

сертация содержит также ценный новый диалектный материал, записанный И. В. Сало во время экспедиций на магнитофонную ленту и расшифрованный ею.

В представленном отзыве заведующей кафедрой финно-угорской филологии Ленинградского государственного университета доцента З. М. Дубровиной говорится, что «работа И. В. Сало выгодно отличается от книги Я. Калима тем, что материал по современным поморским говорам собран ею лично от носителей этих говоров в местах, где они издавна проживают. Для написания работы диссертантка ознакомилась не только с языком, но и жизнью и бытом поморов, о чем свидетельствуют четкие объяснения значений разбираемых слов».

Высокую оценку представленной к защите диссертации дали официальные оппоненты доктор филологических наук П. С. Кузнецов и доцент А. Г. Морозова.

Однако они отметили, что диссертант, исследуя влияние прибалтийско-финских языков на русские говоры поморов Беломорья, ограничилась лишь процессом освоения в лексическом, фонетическом, морфологическом планах и не затронула синтаксических явлений.

В целом диссертация представляет собой серьезное исследование о взаимоотношении прибалтийско-финских языков с русским.

Г. М. КЕРТ (Петрозаводск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1967.3.12>

E. Uuspõld, Määrusliku *des-, mata-, nud-* (~ *nuna-*) ja *tud-* (~ *tuna-*) konstruktsiooni struktuur ja tähendus. — Keele modelleerimise probleeme I (= Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 188), Tartu 1966, стр. 1—196.

25 марта 1967 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета защитила диссертацию «Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом — глагольной формой на *-des-, -mata-, -nud* (~ *nuna-*), *-tud* (~ *tuna-*)» преподаватель кафедры эстонского языка Тартуского университета Элен Ууспыльд (научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Х. Рятсен). Официальные оппоненты академик Академии наук ЭССР П. Аристэ и канд. филол. наук В. Халлап, а также поступившие из других исследовательских учреждений письменные рецензии дали работе высокую оценку. Совет факультета единогласно решил присудить Э. Ууспыльд ученую степень кандидата филологических наук.

Диссертация Э. Ууспыльд — первое в Эстонской ССР полностью опубликованное крупное исследование, в котором при описании структуры языка наиболее обстоятельно и систематично применяются методы структуральной лингвистики. Уже как таковая, работа заслуживает внимания. Тем более, что исследование позво-

ляет сделать выводы, имеющие существенное практическое значение для нормативной грамматики эстонского языка.

В работе применяется трансформационный анализ (так наз. статические трансформации по З. С. Хэррису без попытки оформить трансформации в виде системы упорядоченных правил порождающей грамматики).

В первой главе «О понятии «придаточное сокращенное» автор делает обстоятельный обзор критериев, на основе которых до сих пор определялось понятие придаточного сокращенного (*lauselühend*) в эстонском языке, и убедительно демонстрирует несостоятельность прежних концепций. Диссертант приходит к выводу, что в действительности не удается определить конструкции, которые в эстонском языке трактовались как придаточные сокращенные, «на основе ни одного единичного индикаторного признака» (стр. 26) и что «если для некоторых конструкций все-таки нужен общий знаменатель, то более приемлемым способом оказывается определение понятия придаточного сокращенного перечнем соответствующих конструк-

ций» (стр. 28). Сама Э. Ууспыльд в основной части своей работы вообще воздерживается от использования понятия придаточного сокращенного. Этот термин некоторыми исследователями так и считался нежелательным.¹ В данной рецензии используется термин «инфинитная конструкция» (*infinitiikonstruktsioon*), который может иметь более широкое значение и охватывать все конструкции с центральным словом — неличной глагольной формой.

Между прочим из изложения Э. Ууспыльд выясняется, что в прежних трактовках эстонских «придаточных сокращенных» конструкции с глагольной формой на *-nuna* и *-tuna* не упоминаются (стр. 29). Но здесь сразу же возникает вопрос к самой Э. Ууспыльд: почему в ее работе вообще не упоминаются конструкции с глагольной формой на *-nult*, *-tult*, которые в эстонском языке в известной мере параллельны конструкциям на *-nuna* и *-tuna* (*hästi puhununa* ~ *puhanult* 'отдохнув хорошо', *kaasaegsetes ühikutes väljendatuna* ~ *väljendatult* 'выражая в современных единицах')?

Вторая глава «Хронологическое обозрение работ, посвященных обстоятельством конструкций с центральным словом на *-des*, *-mata*, *-nud* и *-tud*» написана основательно и с критических позиций.

В третьей главе «Ядерная структура конструкций с центральным словом на *-des*, *-mata*, *-nud* (~ *-nuna*), *-tud* (~ *-tuna*)» один аспект функций и значений рассматриваемых инфинитных конструкций раскрывается путем детального анализа вопроса, в какие простые предложения можно трансформировать рассматриваемые инфинитные конструкции (на основе так наз. интуитивной трансформации в простое предложение), т. е. какова ядерная структура этих инфинитных конструкций. При этом выявляются: 1) так наз. независимые конструкции, т. е. конструкции с внутриконструкционной предикативной связью (например, *Talve möödudes nägin teda uuesti* 'По прошествии зимы я увидел его вновь' → *Talv möödus*

'Зима прошла'); 2) так наз. зависимые конструкции, т. е. конструкции с внеконструкционной предикативной связью (например, *Koolis õppides huvitanud A. Hansenit koolmeistriamet* 'Во время учебы в школе А. Хансена интересовала профессия учителя' → *A. Hansen õppis koolis* 'А. Хансен учился в школе').

В третьей главе содержатся многие ценные наблюдения и новые положения. Между прочим выясняется, что: глагол независимой конструкции на *-des* в общем является *непереходным*; исключение составляют глаголы *nägema* 'видеть', *kuulma* 'слышать', *arvama* 'полагать', но и при них выступление дополнения оказывается невозможным (*Lapse kuuldes* 'В то время, как ребенок слышит' → *Laps kuuleb* 'Ребенок слышит'; но не **Lapse kuuldes laulu* 'В то время, как ребенок слышит песню' → *Laps kuuleb laulu* 'Ребенок слышит песню'); в качестве центрального слова независимой конструкции на *-mata* выступают только *непереходные* глаголы (*Õe teadmata* 'Без того, чтобы сестра знала' → *Õde ei teadnud* 'Сестра не знала'; но не **Õe peatumata* 'Без того, чтобы сестра остановилась' → *Õde ei peatunud* 'Сестра не остановилась'), а при этом опять-таки без объекта; глагол независимой конструкции на *-nud* является *непереходным* (*Etenodus lõppenud* (, *algab tunglemine garderoobis*) 'По окончании спектакля (начинается давка в гардеробе)'); конструкция на *-nuna* самостоятельной не бывает и т. д.

Особенно ценно то, что автору удалось объяснить случаи (которые вносили много путаницы в прежние школьные грамматики эстонского языка), где инфинитная глагольная форма на *-des*, *-mata*, *-nud*, *-tud* не стоит в предикативной связи с подлежащим основной части предложения. В таких случаях указанная инфинитная форма предикативно связана с так наз. господствующим именем (*dN*), обозначающим «господствующий» в данном контексте, неоднократно упоминаемый объект действительности, или референт (см. выше предложение *Koolis õppides huvitanud A. Hansenit koolmeistriamet* → *A. Hansen õppis koolis* 'А. Хансен учился в школе', а не *Koolmeistriamet õppis koolis* 'Профессия учителя училась в школе'), или же эта инфинитная форма носит неопределенно-личный или безличный характер. А

¹ Э. Нурм в докладе «О некоторых терминах школьной грамматики» на собрании Общества родного языка в Таллине 29 января 1967 г.

подлежащее основной части предложения (в последнем примере *koolmeistriamet* 'профессия учителя') при таких конструкциях является негосподствующим именем (*mdN*). Автор подчеркивает, что такие конструкции в большинстве случаев для носителя языка не представляются двусмысленными и что не имеет смысла бороться против них в нормативных грамматиках (стр. 85).

Автор представил также интересные наблюдения о том, как «обнаружить» *dN* в контексте по чисто структурным признакам предложения (стр. 73—74; например, если основная часть предложения принадлежит к типу *Tal on nägu* 'У него лицо', то имя в адессивном падеже всегда будет субъектом инфинитивной конструкции: *Raamatut lugedes oli tal nägu mõtlik* 'При чтении книги лицо у него было задумчивое' → *Ta luges* 'Он читал', а не → *Nägu luges* 'Лицо читало').

Тем не менее понятие *dN* требует уточнения (по всей вероятности, в таком случае нам удастся подвести под правила *dN* также по крайней мере первое и последнее из представленных на стр. 74 трех «исключительных» предложений). В работе же читаем: «Упоминаемый в любой последовательности предложений неоднократно (по меньшей мере дважды) референт мы называем господствующим референтом. Любое *N* [= имя], которое обозначает господствующий референт, является господствующим *N* (*dN*) данного предложения. По этому данному определению в случае личного местоимения мы всегда имеем дело с *dN*» (стр. 70). Возникает вопрос, сколько предложений из последовательности (два или больше) необходимо все-таки учитывать, а также, что случится, если в последовательности окажется больше одного имени, соответствующего выдвинутому требованию? В резюме третьей главы (стр. 82—85) правило IV гласит: «Если основная часть предложения — личная и ее грамматическое подлежащее — *mdN* и если ни в основной части предложения, ни в других соседних частях его нет *dN*, то [инфинитивная] конструкция является имперсональной, (например: *Seda raamatut lugedes läheb nägu mõtlikuks* 'При чтении этой книги лицо приобретает задумчивый вид' → *Seda raamatut loetakse* 'Эта книга читается').

В действительности же нетрудно представить себе случаи, где в последовательности двух предложений (и даже в относительно широком контексте вне предложения) определенный референт упоминается только один раз, но тем не менее глагольная инфинитивная форма связывается с ним и конструкция не является имперсональной (например, *Kõik tulid kohale. Isegi Eduard astus piipu popsides sisse. Koosolek võis alata* 'Все пришли. Даже Эдуард зашел, куря трубку. Собрание могло начинаться'; здесь *piipu popsides* 'куря трубку' не → *popsiti piipu* 'курили трубку', а все-таки → *Eduard popsis piipu* 'Эдуард курил трубку').

Далее не слишком ли смело утверждать, что при всяком личном местоимении (включая и местоимения 1-го и 2-го лица) мы всегда имеем дело с *dN*? С другой стороны, может быть функцией, выдвигающей *dN*, обладает, например, именно указательное местоимение *see* 'этот'.

В первой части (т. е. в подразделах 1—3) четвертой главы «Значение конструкций с центральным словом *chades*, *-mata*, *-nud* (~ *-nuna*), *-tud* (~ *-tuna*)» следующий аспект функций и значений рассматриваемых инфинитивных конструкций раскрывается путем анализа, в какие сложные предложения, а также в какие предложения с отглагольным именем (номинализацией) можно трансформировать каждое исходное предложение с инфинитивной конструкцией (конструкция = *K*; трансформа = *T*; например: *K_{des} Harri juurest lahkudes jäin karavanist maha* 'Уйдя от Харри, я отстал от каравана' → 1. *T_{kui} Kui ma Harri juurest lahkusin, jäin karavanist maha* 'Когда я ушел (имперфект) от Харри, я отстал от каравана'; 2. *T_{kui e} Kui ma Harri juurest olin lahkunud...* 'Когда я ушел (плюсквамперфект) от Харри...'; 3. *T_{Npp} Pärast Harri juurest lahkumist* 'После ухода от Харри...') (номинализация с послелогом).

В ходе этого анализа автор устанавливает также, «лишена ли самостоятельного значения» инфинитивная конструкция в данном случае (т. е. исходное предложение с этой конструкцией полностью заменимо соответствующей трансформой — сложным предложением), обладает она «самостоятельным значением» (т. е. значение ближайшего по семантике сложного пред-

ложения не совсем тождественно со значением исходного предложения) или же «комплексным значением» (т. е. два сложных предложения равным образом близки исходному предложению — но при этом обычно семантически не полностью идентичны с ним). Автор между прочим отмечает, что во многих случаях мы имеем дело именно с двумя последними категориями. Отсюда следует, что попытки провозгласить частое употребление конструкций на *-des* признаком плохого стиля лишены всякого теоретического основания.

Во второй части (т. е. в подразделе 4) четвертой главы материал анализируется в другом аспекте: не по отдельным типам инфинитных конструкций (1. K_{des} , 2. K_{mata} и т. д.), а по «комплексам» заменяющих друг друга, вариантов типов синтаксической связи.² По существу это значит, что материал рассматривается по отдельным «элементарным значениям»³ конструкций, выявленным в ходе анализа первой части четвертой главы; рассматривается, как можно передавать то или другое «элементарное значение» — кроме соответствующих сложных предложений — несколькими различными инфинитными конструкциями, а также номинализациями. Таких комплексов вариантных способов синтаксической связи, или «элементарных значений» синтаксических конструкций, в работе насчитывается в общей сложности 54 (например комплекс № 9: $K_{des} \sim K_{tuna} \sim T_{kui} da$: *Eemalt vaadates ei paistagi mägi kõrge* 'Глядя издалека, гора и не кажется высокой' \sim *Eemalt vaadatuna ...* 'Издалека глядено (дословно)' \sim *Kui eemalt vaadata, ...* 'Если глядеть издалека, ...'). В комплексе может быть от одного (отсутствие параллельного способа выражения определенного значения данной инфинитной конструкции) до девяти членов-вариантов.

Четвертая глава интересна и богата ценными, свежими наблюдениями. Между прочим выясняется, что как K_{nuna} так и

K_{tuna} всегда допускают какие-нибудь параллельные способы выражения (стр. 170); чаще других встречается синтаксическая синонимика $K_{des} \sim K_{nud}$, которая возможна в четырех группах трансформ — сложных предложений (сложные предложения с союзами *kui* 'когда', *sest* \sim *ef* 'так как, потому что', *ja* 'и', *kui* \sim *ja*) (стр. 171); взаимная заменяемость $K_{tud} \sim K_{nud}$ возможна в группах трансформ с союзами *kui* и *ja*, причем, с другой стороны, в случаях возможности такой заменяемости исключены трансформации $K_{tud} \rightarrow K_{tuna}$ и $K_{nud} \rightarrow K_{nuna}$ (например в комплексе № 4: *Kooli lõpetanud, sõitis ta uudismaale* 'Окончив школу, он поехал на целину' \sim *Kool lõpetatud, sõitis ta ...* 'Школа окончена, поехал он ...' \sim *Kui ta kooli oli lõpetanud, sõitis ta ...* 'Когда он окончил школу, поехал он ...'; но не $*Kool lõpetatuna ...$, а также не в том же значении *Kooli lõpetanuna ...*); возможность $K_{des} \sim K_{tud}$ встречается только в ограниченной мере в группе трансформ $T_{kui} da$ (комплекс № 8: *Ausalt öeldes ...* 'Честно говоря ...' \sim *Ausalt öeldud ...* \sim *Kui ausalt öelda ...*) и т. д.

Основной фактический материал исследования Э. Ууспыльд представлен в первой части четвертой главы — по типам инфинитных конструкций. Все же здесь читателю не удастся получить полного исчерпывающего обзора функций и значений конструкций, так как в этой части: 1) автор не ссылается систематически на изложенную в третьей главе классификацию инфинитных конструкций на независимые и зависимые (в связи с этим, например, на стр. 96 при рассмотрении конструкции на *-des* в группе трансформ T_{kui} примеры № 1 и 2 просто стоят рядом и в объяснениях к ним не упоминается их радикальное различие во внутренней структуре: *Olümpiakülaliste saabudes ...* 'По прибытии олимпийских гостей ...' \rightarrow *Kui olümpiakülalised saabusid ...* 'Когда олимпийские гости приехали ...'; но ср. *Poliitikast rääkides ...* 'Говоря о политике ...' \rightarrow *Kui nad poliitikast räägivad ...* 'Когда они говорят о политике ...'); 2) рассматривается в основном только трансформируемость исходных предложений в сложные предложения и в предложения с номинализацией, так как трансформируемость в предложения с другими различными инфинит-

² Было бы проще озаглавить подразделение 4 не «Комплексы вариантных способов [синтаксической] связи», а «Комплексы вариантных (синтаксических) конструкций», имея под термином «(синтаксическая) конструкция» в виду (среди других вещей) как сложное предложение, так и предложение с инфинитной конструкцией.

³ Термин рецензента.

ными конструкциями (например $K_{nud} \rightarrow K_{lud}$) рассматривается только в отдельных случаях (и поэтому, например, при рассмотрении конструкции на *-nud* на стр. 128 в группе трансформ в союзом *ja* 'и' вообще не упоминается различие между двумя подгруппами, которое отражается во второй части четвертой главы на стр. 164 в виде различия между комплексами № 30 $K_{nud\ tr} \sim K_{lud} \sim K_{olles\ nud}$ и № 31 $K_{nud\ intr} \sim K_{nuna} \sim K_{olles\ nud}$). С другой стороны, все трансформационные возможности (включая и трансформации в простые предложения III главы), правда, систематически учитываются во второй части четвертой главы, но здесь: 1) нелегко проследить материал по отдельным типам инфинитных конструкций (1. K_{des} , 2. K_{mata} и т. д.); 2) фактического материала и детальных комментариев значительно меньше, чем в первой части четвертой главы (приходится их там отыскивать). Даже если не строить диссертацию по радикально иному плану, более компактно, систематичнее ссылки между отдельными частями работы в значительной мере облегчили бы пользование ею и получение общего обзора материала.

Далее, видно, несмотря на все, автору было нелегко решить, какие трансформации из данного исходного предложения возможны и какие нет, а также какие трансформы вполне тождественны с исходными предложениями функционально (семантически) и какие нет. Автор сама отмечает, что трансформационный метод как таковой не лишен слабых мест (стр. 93—94). Тем не менее результаты исследования можно сделать еще более достоверными, если строже и систематичнее проверять и устанавливая, может ли данная трансформация в данном, а также в любом более широком контексте выступать точно также, как исходное предложение (абсолютная тождественность, вариантность), она возможна, акцептируема, но при этом стилистически более неуклюжа или же может выступать только в некоторых, но не во всех тех более широких контекстах, где выступает исходное предложение (функциональная, семантическая близость, но не полная тождественность) и т. д. При этом термин «более широкий контекст» надо понимать так, чтобы в случае надобности он охватывал целый абзац или даже целый диалог разговор-

ной речи или соответственно целое литературное произведение. Если чувствуется, что необходимо уточнить содержание понятий «возможно» и «невозможно» (или соответственно своего рода «шкалы возможностей»), как об этом шла речь выше, то можно представить себе применение специальных тестов, где опираются на суждения определенного числа посторонних лиц — испытуемых (и на статистическую оценку этих суждений).

Между прочим, если распространить такую трактовку на понятие «трансформации» вообще (не только в рецензируемой работе), то «трансформация», собственно говоря, означала бы один вид отношения субституции (заменяемости) между двумя предложениями или между двумя последовательностями предложений (а также между предложением и последовательностью предложений) в более широком контексте.⁴

Во всяком случае, вернувшись здесь к третьей главе, хочется задать вопрос, нужно ли было вообще в данном исследовании в столь значительной мере опираться на такое неясное понятие, как «семантическая правильность» предложения. При данной трактовке Э. Ууспильд приходится рассуждать, правильна семантически или неправильна полученная от предложения *Uksest sisse astudes lõõb kohe ninna lubja ja värvi lõhn* 'Когдаходишь в дверь, в нос бьет запах известки и краски' «регулярная трансформация в простое предложение» *Lubja ja värvi lõhn astub uksest sisse* 'Запах известки и краски входит в дверь' (которая вопреки нашей интуиции приводит форму на *-des* в предикативную связь с подлежащим основной части предложения *lõhn* 'запах') (стр. 65; ср. с аналогичными проблемами на стр. 66, а также — *mutatis mutandis* — на стр. 90—94). Э. Ууспильд очень нужно было бы получить результат, что упомянутая трансформация является «семантически неправильной». Но при этом она наталкивается на трудности, так как ясно, что в каком-нибудь специальном контек-

⁴ В таком случае невозможно было бы считать настоящей трансформацией, например, отношение между утвердительным и соответствующим отрицательным предложениями, а также между повествовательным и соответствующим вопросительным и т. д.

сте предложение *Lubja ja värvi lõhn astub uksest sisse* (как собственно говоря и любое другое, сколь угодно странное предложение) все же может выступать. Вся беда здесь от того, что трансформация (вернее «трансформа») инфинитивной конструкции рассматривается изолированно от основной части предложения и более широкого контекста всего исходного предложения. В действительности же важно не то, может ли изолированная трансформация в простое предложение, т. е. предложение *Lubja ja värvi lõhn astub uksest sisse* выступать в каком-нибудь контексте (т. е. является ли оно «семантически правильным» предложением), а то, может ли трансформация в сложное предложение (*Kui lubja ja värvi lõhn astub uksest sisse, lõõb kohe ninna lubja ja värvi lõhn* 'Когда запах известки и краски входит в дверь, в нос сразу бьет запах известки и краски') выступать в том же более широком контексте (и во всех тех же более широких контекстах), где налицо целое исходное предложение с инфинитивной конструкцией. Ответ может быть один: нет, не может. Наверно, даже не найдется ни одного мыслимого более широкого контекста, где могли бы с одинаковым правом выступать и указанная трансформация в сложное предложение и исходное предложение с инфинитивной конструкцией. И поэтому придется считать данную трансформацию недопустимой, «псевдотрансформацией». Действительной же трансформацией является в данном случае «нерегулярная, интуитивная» трансформация *Kui uksest sisse astuda, lõõb kohe ninna lubja ja värvi lõhn* 'Если войти в дверь, в нос сразу бьет запах известки и краски' или же *Kui uksest sisse astutakse ...* 'Если входят в дверь ...'.

Возвратимся к трансформациям в сложные предложения в четвертой главе. В общем чувствуется, что в некоторых случаях не учтены дополнительные (параллельные представленным или даже более подходящие) возможности трансформаций. Отсюда следует, что 1) некоторые одночленные комплексы фактически не являются одночленными (см. примеры ниже); 2) некоторые комплексы в действительности по своим трансформационным возможностям идентичны с другими комплексами (например: комплексы № 19, 35 и 51; так

же комплексы № 20, 36 и 52); 3) «самостоятельное значение» некоторых инфинитивных конструкций иногда спорно (см. примеры ниже). Более детального и систематического анализа с точки зрения относительной близости к исходным предложениям требуют также трансформации в случае «комплексного значения» инфинитивных конструкций.

Перейдя к более конкретным примерам, надо отметить, что в любом случае проблема трансформации, опирающихся на союз *ja* 'и' (T_{ja}) нуждается в дополнительном исследовании. На деле T_{ja} возможна из значительно большего числа исходных предложений, чем это указано в диссертации. Правда, в части таких случаев более непосредственным соответствием исходному предложению служит трансформация, содержащая какой-нибудь другой союз «с более узким значением» (*kuid* 'но', *ilma et* 'без того, чтобы', *sest ~ et* 'потому что' и др.). Но, например, при рассмотрении конструкции на *-des* остается неясным, почему на стр. 101 пример № 27 встречается только под T_{et} (*~ sest*) а на стр. 108 предложение такого же типа № 73 принадлежит к группе трансформаций $T_{ja} \sim T_{et}$ (*~ sest*) ($\sim T_{kusj}$). Таким же образом в части конструкций на *-tud* следующее предложение отнесено к группе трансформаций T_{et} : *Pahandatud oma aja ... kriitikast, astus ta kodanikuna enda kui kirjaniku kaitseks välja* 'Возмущенный... критикой своего времени, он как гражданин выступил в защиту себя как писателя' \rightarrow *Et ta oli pahandatud ...* 'Так как он был возмущен ...' \sim *Et teda pahandas ...* 'Так как его возмутила ...', хотя самым близким, даже единственным абсолютно синонимным соответствием является именно T_{ja} , где союз *ja* 'и' имеет нужный «более мягкий» оттенок значения, чем союз *et ~ sest* 'так как, потому что': *Ta oli pahandatud oma aja ... kriitikast ja astus kodanikuna enda kui kirjaniku kaitseks välja* 'Он был возмущен ... и выступил ...' (ср. также стр. 104, № 49; стр. 159—160, № 13—18; стр. 161—162, № 23—25; может быть также стр. 138, № 18; стр. 144, № 7; стр. 164, № 31; стр. 169, № 44 — здесь возможность T_{et} вообще лишняя).

В части T_{ja} порядок компонентов сложного предложения также может иметь оп-

ределенное значение. Например, что ближе к исходному предложению *Jalad välja sirutanud, istus onu Peeter tugitoolis* 'Вытянув ноги, дядя Петр сидел в кресле': или T_{ja} *Onu Peeter oli jalad välja sirutanud ja istus tugitoolis* 'Дядя Петр вытянул ноги и сидел в кресле' (как это, по видимому, имеется в виду при № 30 на стр. 164) или T_{ja} с обратным порядком компонентов *Onu Peeter istus tugitoolis ja oli jalad välja sirutanud* 'Дядя Петр сидел в кресле и вытянул ноги' (ср. также стр. 138, № 16; стр. 163, № 26; стр. 164, № 31)? Во всяком случае придется учитывать возможность T_{ja} с обратным порядком компонентов и с одновременной заменой главного и придаточного предложений в случае следующего предложения: *Käsi veriseks kriimustatud ja püksipõlv lõhki kistud, saabus ta õhtul koju* 'С разбитой в кровь рукой и разодранными на колене штанами прибыл он вечером домой' → *Kui ta õhtul koju saabus, olid tal käsi veriseks kriimustatud ja ...* 'Когда он вечером прибыл домой, рука у него была разбита в кровь и ...' (стр. 166, № 32; у Э. Ууспыльд здесь встречается обычная T_{ja} в связи с «самостоятельным значением» конструкции).

Из числа конструкций на *-des*, которые помещены в группу трансформ с союзом *kusjuures* 'причем' (T_{kusj}) под конструкции с самостоятельным значением, на деле некоторые конструкции оказываются функционально и семантически более или менее тождественными с соответствующими трансформами, опирающимися на союз *nii et* 'так что' ($T_{nii et}$). Например: *Rahvatantsijad marssisid mööda laiade seelikute sahisedes* 'Танцоры промаршировали мимо, шурша широкими юбками' → не ... *kusjuures laiad seelikud sahisesisid* '... причем широкие юбки шуршали', а ... *nii et laiad seelikud sahisesisid* '... так, что широкие юбки шуршали' (стр. 166, № 37; ср. также стр. 104, № 44 и 46). Предложение *Toetudes väravale, vahtis ta üksisilmi merele* 'Опершись на ворота, он смотрел на море не отрываясь' (стр. 166, № 34) правильно помещено в группу T_{ja} , но разве оно при этом по своим возможностям выступления и семантике не является тождественным со своей трансформой на *ja* 'и' (ср. также стр. 166, № 38, первое предложение; стр. 167, № 40)? Далее можно спросить, не воз-

никает ли в некоторых случаях потребность в трансформации с союзом *mis* 'что' или *kes* 'кто': *Kokkupõrkekojal seisid* «*Moskvitš*», *üks külg mõlki löödud* 'На месте столкновения стоял «Москвич» со сплюснутым боком' → не ... *kusjuures tal üks külg oli mõlki löödud* '... причем один бок у него был сплюснут' (стр. 163, № 26), а вернее ... *millel üks külg oli mõlki löödud* '... у которого один бок был сплюснут' (ср. также стр. 138, № 13).

Автор утверждает, что «возможность или невозможность T_N [= номинализирующая трансформация] в пределах одной группы не различает воспринятые интуитивно различия в значении» (стр. 114). Тем не менее, кажется, что в части конструкций на *-des* возможность T_N *kom* в пределах группы $T_{ja} - kusj$ в известной мере отражает близость значения соответствующих глаголов, связанного с изданием звуков (*piiksudes* 'пищá' ~ *piiksumisega* 'с писком', *mõmisedes* 'ворча' ~ *mõminaga* 'с ворчанием', *lärmates* 'шумя' ~ *lärmitsemisega* 'с шумом' — стр. 114, № 78—80), а тем самым также определенный специфический семантический нюанс всей конструкции в этих предложениях. И, может быть, стоило бы при различении семантических нюансов в пределах одной группы учитывать даже возможность трансформаций такого типа, как *Lõug vastu rinda surutud, meenutas ta puhkivat härga* 'Прижав подбородок к груди, напоминал он разъяренного быка' (стр. 139, № 22) → *Vastu rinda surutud lõuaga meenutas ta ...* 'С прижатым к груди подбородком напоминал он ...'.

Не было бы полезнее рассматривать $K_{olles nud}$ не под K_{des} (например, стр. 98), а под K_{nud} (т. е. на стр. 124—131, где автор и не касается отношения между этими двумя столь близкими конструкциями)? Таким же образом $K_{olles tud}$ — под K_{tud} ?

В работе Э. Ууспыльд очень мало промахов в формулировках и опечаток (стр. 91: при «преобразованиях» мы, конечно, можем говорить только о «трансформациях», а не о «трансформах», которые являются «продуктами преобразований»; стр. 122: нельзя сказать о трансформации, что она «номинализируется»; стр. 52—55: надо все-таки говорить о перфекте и плюсквамперфекте глагола, а не о формах на *-nud* или *-tud*; стр. 144:

перед предложением № 10 должно быть не « Ta_{et} », а « Tr_{et} »; стр. 153 и 157: вместо знака « $+ \rightarrow$ » должен быть « $-| \rightarrow$ »). Техническое оформление диссертации образцово.

Работа Э. Ууспыльд по трансформационному анализу и серия статей Х. Раянди по поражающей грамматике пока-

зывают, что в области применения «новых лингвистических методов» в Эстонской ССР, что касается синтаксиса, этап общих фраз уже пройден и ученые уверенно приступили к решению конкретных актуальных задач.

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ

по уральским языкам, выполненных в Советском Союзе (1917—1967 гг.)¹

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

- Каск А., *Võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel XIX sajandi eesti kirjakeeles*, Tartu 1955.
Каск А., Борьба между старой и новой орфографией в эстонском литературном языке XIX века.
- Ваараск П. К., *Тонические средства речи. Исследование по синтагматической фонетике I—II*, Таллин 1964.
- Грузов Л. П., *Историческая фонетика марийского языка*, Ленинград 1966.
- Коляденков М. Н., *Структура простого предложения в мордовских языках. (Предложение и его главные члены)*, Москва 1955.
- Лыткин В. И., *Древнепермский язык и историческая грамматика коми́йского и удмуртского языков*, б. м. 1944.
- Майтинская К. Е., *Развитие системы падежей в венгерском языке*, б. м. и г. [защ. в Москве, 1950 г.].
- Перевощиков П. Н., *Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке*, Ижевск 1959.
- Серебренников Б. А., *Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп I—II*, Москва 1956.
- Сидоров А. С., *Порядок слов в предложении коми языка*, Сыктывкар 1945.

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

- Рятсеп Н., *Infiinitised verbivormid soome-ugri keeltes*, Tartu 1954.
Рятсеп Х., Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках.
- Матвеев А. К., *Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала*, Свердловск 1958.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Карелсон Р., *Sidesõnad läänemeresoome keeltes*, Tartu 1959.
Карелсон Р., Союзы в прибалтийско-финских языках.
- Конт К., *Objekt läänemeresoome keeltes (käändevormid)*, Tallinn 1959.
Конт К., Объект в прибалтийско-финских языках (падежные формы).
- Лаанест А., *Substantiivne atribuut läänemeresoome keeltes*, Tallinn 1959.
Лаанест А., Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках.
- Паюсалу Э. [Адлер Э.] *Läänemere keelte väliskohakäänded (käänete funktsioonid)*, Tallinn 1957.
Паюсалу Э. [Адлер Э.], Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках (функции падежей).
- Рикаmäе А., *Tüveline astmevaheldus läänemeresoome keeltes ja läpi keeles*, Tartu 1956.

¹ Список составлен на основе данных титульных листов диссертаций.